

Михаил Антонов

ПОРТАЛЬЩИК

БЫТОВОЙ
ФАКУЛЬТЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Антонов

Портальщик. Бытовой факультет

«Автор»

2026

Антонов М.

Портальщик. Бытовой факультет / М. Антонов — «Автор», 2026

Андрей, перенесенный из нашей реальности в суровый магический мир в теле юноши простолюдина, выстрадано попадает в Академию магии, но из-за происхождения доступ к боевым дисциплинам для него закрыт: судьба уготовила ему лишь бытовой факультет. Столкнувшись с высокомерием и агрессией дворянских отпрысков, Андрей вынужден принять вызов — дуэль с учениками боевого факультета. Проявив недюжинную смекалку и творческий подход, он одерживает впечатляющую победу. Однако триумф оборачивается изгнанием. За короткий срок обучения Андрей успел освоить магические техники, обладающие высокой коммерческой ценностью. В чужом мире, где сила и статус решают всё, Андрей находит собственный путь — не просто выжить, но и построить жизнь на новых условиях, превратив свои умения в источник стабильного дохода и влияния.

© Антонов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Антонов

Портальщик. Бытовой факультет

Глава 1

1

Я ехал по новому, чёрному асфальту, и это была единственная примета нового времени вокруг. По обочинам же, как и двадцать лет назад, дремали бескрайние поля, молчаливые и равнодушные. Машины встречались редко.

Сзади у меня лежал целый склад хозяйственного магазина. Мамин наказ был точен, как военный приказ: выкосить, почистить, покрасить, заменить. Список дел я помнил наизусть, он отбивался в такт стукам подвески на редких стыках полотна.

На спидометре ровно девяносто, «Сузука» ехала плавно, почти неслышно, если бы не вой ветра в чуть приоткрытое окно. Я курил, пытаюсь вспомнить то хорошее, что окружало меня в детстве.

Мама осталась в городе, за двести километров отсюда. «Андрей, ты уж сделай всё хорошо, как положено, — сказала она по телефону, и в её голосе я услышал не просьбу, настойчивое требование. — Я не смогу поехать с тобой, дорогу уже не переносу». Не дорогу она не переносит, а расстояние, которое эта дорога отмеряет — между её настоящим и её прошлым, между квартирой с благоустроенным бытом и нашим родным поселком, и кладбищем, где остались лежать те, кто был ей дорог.

Взглянул в зеркало заднего вида. Задний ряд сидений был сложен, там нужно было разместить бензиновый триммер. Между мешками с инструментами и банками с краской угадывался голубой пластик искусственных цветов. Следующий указатель сообщил, что до поворота на Красный октябрь осталось три километра.

В поездку я отправился с утра пораньше, сегодня 26 мая и это был второй день моего отпуска, так сложилось, что мой шеф берет первую половину своего отпуска сразу после празднования Дня Победы ну, а я вслед за ним. Первый же день отпуска я потратил на сборы, закупался в Леруа, купил бензиновый триммер Husqvarna 122LD и прочий инвентарь, масло для двухтактных двигателей, там же и приобрел канистру под бензин. На обратном пути заскочил на АЗС за бензином. К вопросу о триммере, за который я заплатил чуть больше 13 тысяч, если честно то мучает жаба, китайский Sturm стоил раза в три дешевле, но продавец консультант уговорил, полностью раскритиковав китайского производителя. Уже в квартире собрал Хускварну, легкая удобная, посмотрим, как работать будет.

Дорога взбиралась на последний, самый высокий холм. И вот она — «Въездная стела» с крупными красными буквами «Красный Октябрь». Название, оставшееся из другой эпохи, громкое и бессмысленное.

Я притормозил и заглушил двигатель. Тишина, налетевшая сразу, была оглушительной. А потом просто отдал себя во власть этого вида.

Посёлок. Ровные улочки, сменялись загогулинами, сползали вниз, к самой реке. Крыши домов, кричащие новизной листы профнастила, теснились друг к дружке, цепляясь за землю, боясь скатиться вниз. Белели на солнце резные наличники, поблёскивали стёкла.

Но главное было не это. Главное — это Волга. Вернее, то, во что она превратилась здесь — Куйбышевское водохранилище. Оно лежало внизу, за посёлком, бескрайнее, как море. С этой высоты оно не казалось водой. Это была гигантская пластина из полированного свинца, холодного и неподвижного, в которую вставили кусок неба. Лазурное, с белыми барашками

облаков, оно отражалось в этой громадной зеркальной глади. Где-то далеко на горизонте, теряясь в мареве, темнела полоска противоположного берега — уже другая область.

Раньше... Раньше вот именно это место и этот вид приносили мне радость от возвращения домой. Неважно, с сессии ли я возвращался, с той самой сумкой «мечтой оккупанта», или из командировки, уставший, но довольный.

А первая работа... Та самая, куда я бежал сломя голову, вприпрыжку, как на праздник. Это была настоящая фантастика. «Оператор ЭВМ» — первая, важная запись в моей трудовой книжке. Сейчас уже и не вспомню, был то 96-й или 97-й, давно это было. Но именно там, в той маленькой конторе, я по-настоящему познакомился с миром. С миром компьютерных игр. Все это баловство на «БК-шках» с кассетами и магнитофонами не считалось.

Моим начальником был мужчина лет тридцати, невысокий, чтобы не сказать грубо — совсем невысокий, с огненно-рыжими волосами и такими же густыми, смешными усами. А на носу у него вечно висели очки в роговой оправе, с такими толстыми линзами, что его глаза казались двумя добрыми, лупиками. Это был человек, фанатично влюбленный в компьютеры. И в игры.

Doom II. Это был не просто экшен. Это был взрыв мозга, портал в иное измерение. Пиксельные демоны, рычание импов, скрежет металла не из динамиков, а лишь в моем воображении, колонок у рабочего компьютера к сожалению, не было. Я был поглощен целиком. Играл на обеденном перерыве, проглатывая всухомятку бутерброд. Оставался после работы, когда в офисе оставались только мы с ним. Да что греха таить — играл и во время работы, как только разбирался со всеми задачами на день. Шеф разрешал, может, так он стимулировал меня работать быстрее и качественнее.

Небольшой кабинет, четыре стола с компьютерами, слабое освещение люминесцентных ламп. После официального окончания рабочего дня мы с шефом просто рубились. Heretic с его магическими посохами, летающими черепами и сюрреалистичными локациями. Я бегал ему за пивом — ларек был в пятидесяти метрах, и я мчался туда и обратно, словно на крыльях.

А сам компьютер... Легендарный Packard Bell. Брендская, шикарная машина в кремовом корпусе. Характеристики сейчас и не вспомню, но одно помню точно — он был невероятно, тяжелым. И этот вес навсегда врезался в память по одной причине: шеф разрешал мне забирать его домой на выходные! Вот какой это был человек. Сначала я, пыхтя, тащил на себе этот ящик, потом возвращался за монитором, таким же неподъемным. Главное условие — вернуть все в понедельник, к началу рабочего дня. Это было свято.

Потом дальше, больше. Windows 95 на тринадцати дискетах — каждая установка была похожа на священный ритуал. Первые робкие манипуляции с жесткими дисками, потому что дискеты были на вес золота. Я закидывал игрушки «для страждущих» — под чутким контролем шефа, конечно. В основном для него и его знакомых. Так я потихоньку знакомился с «железом».

Но отдельно, на самом почетном пьедестале, стояла легендарная Age of Empires. Именно она переманила меня на Темную Сторону Силы — в стратегии. Сначала в реальном времени, где нужно было думать быстрее всех, а потом и в пошаговые. Я играл во все, до чего мог дотянуться.

Годы спустя мама как-то призналась, что заплатила Начальнику, чтобы он взял меня на работу. Не знаю, правда это или нет, но я бесконечно благодарен ей за этот поступок. И ему — за то, что он взял не просто «сына знакомой», а увидел во мне того, кому это тоже может быть интересно.

Компьютеры... Они шли со мной рука об руку всю мою трудовую жизнь. Но те, первые годы, в душном кабинете... Это были лучшие годы. Самые светлые. Самые добрые.

Конец мая. Всё вокруг дышало, цвело, пело, готовилось к лету. И на фоне этой буйной, почти кричащей жизни, посёлок казался тихим. Я сделал глубокий вдох, впуская в себя запах детства, и поехал вниз, навстречу тишине.

Мне всегда казалось, что время в таких местах течет иначе. Или вообще застыло где-то в девяностых. Но этот поселок с ходу начал меня удивлять.

По бокам вместо ожидаемых покосившихся заборов с облезлой краской и старых пяти-стенков выросли дома – один к одному, как с открытки из какого-нибудь приличного пригорода. Не кричащие хоромы, нет. Аккуратные, дизайнерского вида, с панорамными окнами, с отделкой из темного дерева и декоративной штукатурки под бетон. У каждого – ухоженный палисадник, я не поверил своим глазам, стильные уличные диодные светильники. Я чувствовал себя за рулем своего старенького кросовера так, будто забрел в закрытый коттеджный поселок, куда мне вход воспрещен.

Движения практически не было. Одна две машины. Эта почти идеальная тишина и была той самой занозой, что выдавала истинную, дачную сущность этого места. В обычном селе в такую погоду на лавочках сидели бы бабушки, по дороге бегали собаки, а тут – лишь стерильная, почти музейная пустота.

Мое недоумение достигло пика, когда я увидел их. Два сетевых магазина, выстроившихся недалеко друг от друга, «Пятёрочка» и «Магнит». И у каждого – не грязный обочинный пятючок, а нормальная, размеченная парковка. Асфальт под колесами был ровным, гладким, с четкой, почти кричащей белой разметкой.

Чуть дальше притулились два симпатичных кафе. Одно – с летней верандой, уставленной коваными столиками, второе – в стиле лофт, с высокими окнами. И тоже ни души. Вывески яркие, новые, а нет, на вывеске второго кафе выбита вторя буква в названии Причал.

Я тронулся с места и поехал дальше, по этой идеальной дороге, мимо этих идеальных домов, мимо этих немых свидетельств какой-то параллельной, благополучной реальности. Это было красиво, удобно и до жути безлюдно.

И чем дальше я углублялся в поселок, к его старой, противоположной окраине, где должно было быть кладбище, тем сильнее сжималось внутри чувство странного диссонанса. Эта показная, нарядная жизнь здесь, на поверхности, и вечное, тихое усупение – там, в конце пути.

Сворачиваю с безликой главной дороги в переулок — и будто заново дышу. Только сейчас понимаю, как душила та показная тишина.

Здесь — всё как надо: родной хаос, запах пыли и свежескошенной травы у заборов. И этот звук — пронзительные крики мальчишек на велосипедах! Они что-то орут друг другу, лица красные от восторга и напряжения.

Между домами, деловито поклеывая невесть что, бродили куры. И сами домики... Да, они были кирпичные, добротные, не развалюхи. Но эти знакомые с детства треугольные фронтоны крыш, покрашенные когда-то в зеленую или синюю краску. Ржавые водосточные трубы, кое-как подвязанные проволокой.

И асфальт... Он здесь был, его когда-то действительно укладывали, но сейчас он больше походил на лоскутное одеяло. Глубокие трещины, заплывшие грубыми заплатками из свежего, темного асфальта, ямы, заполненные щебнем и пылью. Машина снова застучала колесами, подскакивая на ухабах, и это был привычный, понятный стук.

Здесь было неидеально, немного обшарпано, но зато дышалось полной грудью. Здесь жили. И ехать на кладбище, в конец всего этого, стало на душе почему-то спокойнее.

Я не стал подъезжать к центральному входу кладбища, свернул на право и по грунтовке объехал кладбище в ту часть в старую, где росли высокие липы, в густых кронах, которых и виднелись черные точки. Сориентировавшись по памяти остановил машину немного съехав с грунтовки достал из багажника триммер, смешал в удобной емкости с разметкой бензин с

маслом, как было указано в инструкции 1 к 25. Заправил инструмент полученной смесью, достал из багажника перчатки и очки, переоделся в старый спортивный костюм, который было не жалко и не спешно вошёл на территорию кладбища.

Ноги как чугунные, сердце колотится — будто сейчас выпрыгнет. В глазах рябит от этих оград, крестов, чужих имен... Кажется, вот она, знакомая тропка, а нет — опять не те памятники. Взгляд скользит по потускневшим фотографиям, выцветшим надписям, безымянным холмикам. Сердце стучало где-то в горле, отчаянный, испуганный моторчик. В голове крутилась одна и та же мучительная мысль: «Забыл. Заблудился»

А этот триммер... С каждой минутой тяжелеет, как гиря на душе. Ташу его, будто наказание за то, что давно здесь не был. Рука затекла, спина мокрая. Уже готов был повернуть назад, сдаться...

И тут... вижу его. Высокий, крест дяди Толи. Прямой такой, строгий, как он сам при жизни. Рядом — бабули Марии Андреевны, скромненький... А вот и дедовский гранитный памятник — со звездой...

Стою, дышу... Словно камень с плеч свалился. Даже триммер полегчал. Значит, не все еще потеряно. Нашел! Теперь можно и работу начинать — с чистой душой.

Как не странно, но триммер завёлся со второго раза, закинул через плечо ремень, приступил к работе. Сначала обкосил по периметру тщательно, но не до земли, открыл калитку. В голове возник этический вопрос куда наступать так и замер, упершись в ограду, решился, встану у ног, а там, где кресты и памятник если не дотянусь с этого места, то обкошу с внешней стороны через оградку.

Закончив с этой работой, я пошёл к могиле дяди Вити — среднего маминого брата. Могила была здесь же, недалеко, всего чуть левее и на три ряда дальше. Я быстро нашёл её, открыл калитку, и аккуратно подстриг всё вокруг. Что интересно, по периметру могила была недавно обкошена — по всей видимости, родственниками «соседей».

Дальше мой путь предстояло в липовую аллею, в самый угол кладбища. Те чёрные точки, которые я разглядел вдали, оказались ничем иным, как стаей чёрных ворон — вечных стражей этого места. Моё появление их несколько не испугало — люди им не в диковинку, но неприятное карканье меня немного напрягло.

Следующей по очереди и по удалённости была могила бабы Моти. Кто это и каково её полное имя, я, конечно, не знал, так как она умерла задолго до моего рождения. Там была и фотография, и надпись, но настолько выгоревшие, что разглядеть и прочитать что-либо было невозможно. Я точно не помню, но было там что-то вроде предсмертной просьбы или завета, поэтому мама всегда наказывала мне присматривать за этой могилой.

Захоронение было старое, холмик практически сравнялся с землёй. Ограда — солидная, из толстого железа: обвязка из пятидесятого уголка, решётка из двадцатой трубы. Калитки не было, просто снималась задняя стенка ограды, которая удерживалась на штырьках, продевающихся в петли. На этот раз я принялся косить по периметру, а потом, сняв стенку, выкосил траву внутри.

Завершающими были две могилы: бабы Кати — сестры моего деда — и дяди Миши, её мужа, соответственно.

Триммер был действительно отличный. Спасибо продавцу, что посоветовал мне приобрести «Хускварну». Инструмент, конечно, непрофессиональный, но очень удобный в использовании и, более того, экономичный. Закончив, я осмотрел результат: трава была измельчена, особой уборки не требовало. Но к могиле деда и бабушки я всё равно вернусь с граблями — там всё должно быть идеально. Мама потребует полный фотоотчёт.

Вернулся к машине, достал пачку сигарет, перекурил. Затем достал из багажника садовые грабли и рулон мусорных пакетов и снова направился к могилам. Собрал всю скошенную траву, осмотрел ограду. Моя косьба, конечно, оставила на ней свои следы, также местами облупилась

краска — я это ожидал. Достал из мешка с инструментами шуруповёрт «Макита» и закрепил в нём металлическую щётку.

Зачищал ограду я не фанатично, минут за двадцать прошёл её всю, сбивая отслоившуюся краску и присохшие остатки травы.

Цвет краски для ограды был конкретно озвучен мамой. Я приобрёл голубую с запасом — целую трёхлитровую жестяную банку. Но вместо кисти я применил обычную кухонную губку для более скоростной покраски. Для этого мне пришлось сменить матерчатые перчатки на резиновые. Я просто окунал губку в банку и, не боясь замарать руки, обильно пропитывал её, а затем тщательно проходил по всем элементам ограды. Управился минут за тридцать. Аккуратно снял перчатки и вместе с губкой закинул их в пакет.

Сфотографировал дело рук своих с разных ракурсов и даже записал короткое видео.

Всё было сделано. Спина ныла от часов, проведенных за работой. Работа на кладбище, хоть и душевная, всегда выматывает по-особенному — не столько физически, сколько этой странной смесью скорби, светлой памяти и простой усталости.

Переоделся, сложил весь использованный инструмент обратно в багажник, туда же отправил и мешок с мусором. Перекурил, сел в машину, развернулся и направился к центральному входу — возле него стоял мусорный контейнер. Забросил в него мешок и двинулся в сторону родного дома.

Глянул на часы — пятый час. Ехать сейчас в город, три часа по трассе, да еще и в сумерках уставшим... Не было в этой перспективе ни капли желания. Решение созрело само собой: заночую здесь, в родном доме.

Глава 2

2

Дом встретил меня тем же молчаливым укором, что и всегда. Непрезентабельный, как говорят сейчас. Участок перед домом зарос многолетним бурьяном по пояс, краска на воротах и заборе облупилась, обнажив серое, потрескавшееся дерево. Смотреть было больно. Делать нечего — припарковался и полез за триммером.

Вот уж действительно, качественная вещь — не просто косишь, а в труху измельчаешь. Запустил его, и он с хриплым рёвом вгрызся в заросли. Пыль, щепки, семена — всё это облаком поднялось вокруг, въедаясь в потную кожу. Полтора часа я воевал с этим высохшим хаосом, выбиваясь из сил. Когда выключил аппарат, в наступившей тишине гудели не только руки, но, кажется, и всё тело. Мышцы забились, словно налитые свинцом.

Убрав технику, достал из бардачка связку ключей. Тот самый, навесной замок на ворота, с трудом, со скрипом повернулся. Прошёл к двери. Ещё один замок, поменьше, но такой же упрямый. Щёлкнул.

Дом внутри был... неплохим. Кирпичный, крепкий. Всего три окна на улицу, но если бы вложить в него немного сил и денег... Включил фонарик на телефоне. Пятно света поползло по стенам, выхватывая из тьмы знакомые очертания. Нашёл щиток, снял пыльную крышку со счётчика и вкрутил пробки. Щёлкнул выключателем.

Вспыхнула небольшая люстра в зале — та самая, с матовыми плафонами в виде колокольчиков. И обстановка предстала передо мной во всей своей нетронутой временем полноте. Она всколыхнула память. «ГДРовская» стенка, старый диван, два кресла с протёртой обивкой. Телевизор «Goldstar» на тумбе, накрытый узорчатым покрывалом — бабушка, да и мама потом всегда так делала, от пыли. Сотни мелочей, родных сердцу: фотографии в рамках на стене.

Прошёл в ванную. Повернул центральный кран. Открыл смеситель, с шипением и кашлем из трубы хлынула коричневатая вода, но потом побежала чистая. На вешалке, будто никто и не уходил, висело моё старое, потертое полотенце. Я провел по нему рукой.

Смыв с лица пыль и усталость, я вышел из ванной и заглянул в свою старую комнатку. Небольшая, каморка, где помещались лишь односпальная кровать, тумбочка и стол. На столе — старый 15-дюймовый «ViewSonic» и системный блок, покрытый налетом пыли.

Рука сама потянулась, нажала на кнопку. Блок ожил, загудел вентилятор, замигал синий огонек. Но экран монитора оставался черным и безжизненным. Всё ясно. «Сдох, компуктер, от старости», — констатировал я вслух. Было немного грустно, как при встрече со старым другом, который тебя не узнал.

Решил не ночевать на сухую. До «Магнита» — рукой подать, метров триста. Магазин был обычным, провинциальным, пахло хлебом и моющим средством. В коньяках я не шибко разбирался, потому взял первый попавшийся — «Старейшину» три звезды. К нему для компании — бутылку «Колы», плавленый сыр «Хохланд» в круглой коробочке, булку хлеба, пол палки колбасы, пачку чая «Липтон» и плитку шоколада на утро.

Вернулся домой, и удивление моё не имело границ: в комнате мягко гудел системник, а на мониторе сияла знаменитая заставка Windows XP — бескрайнее зеленое поле и лазурное небо с пушистыми облаками.

Радость, дикая и детская, захлестнула меня. Я тут же рухнул на стул и схватил мышшь. Некоторое время я изучал ярлыки на рабочем столе, но палец сам нашел иконку игры — «Космические Рейнджеры». Любимая игра молодости. Компьютер задумчиво гудел, загружая ее неспешно.

Пока она грузилась, сбегал на кухню, нашел самый большой граненый стакан, сполоснул его от пыли. Вернувшись, щедро налил коньяка — на два пальца, не меньше, — и доверху разбавил темной, шипящей «Колой».

Игра поглотила меня с головой. Галактики, гиперпереходы, Пеленги, Фэяне ну и куда же без **Клисан**... Я не помнил, сколько раз доливал в стакан. Очнулся лишь тогда, когда, взглянув на часы в углу экрана, увидел, что уже два часа ночи.

Вышел из дома, распахнул ворота, шагнул на улицу... И тут моя нога зацепилась за что-то в темноте. Я полетел вперед, и мир перевернулся.

В долю секунды до удара о землю пространство вдруг искривилось. Улица поплыла, дома задрожали, словно нарисованные на шелковой ткани, которую резко встряхнули. Воздух наполнился искрами — они вспыхивали вокруг, как раскалённые угольки, оставляя за собой мерцающие следы.

В голове пронеслась лишь одна, мысль: «Ну нет же, нет... Какого х...»

Я проваливался. Не в темноту, а в нечто совершенно иное — в густую, переливающуюся субстанцию, похожую на облако, сотканное из жидкого света. Оно обволакивало тело, проникало внутрь, наполняя каждую клеточку странным, ни на что не похожее ощущением. Время потеряло смысл. Пространство перестало существовать.

А потом — вспышка. Ослепительная, всепоглощающая. Сознание оборвалось, словно перерезанная нить.

Я лежал на земле, тяжело дыша. Пространство больше не искривлялось, искры погасли. Камни, впивающиеся в щеку. Сознание возвращалось медленно, кусочками. Тупое, ноющее эхо в висках. И тычки. Сначала в бок, настойчивые, будто тыкают палкой в спящую собаку. Я застонал, пытаюсь отшатнуться, но тело не слушалось, было тяжелым и ватным.

— Отстань... — хрипло выдавил, но тычки продолжились, теперь они пришлись по плечу, по ребрам.

Гнев, горячий и стремительный, начал пробиваться сквозь пелену боли и дезориентации. Рывком приподнялся на локте, и в этот момент деревянный конец посоха с глухим стуком пришелся мне прямо по темени. В глазах вспыхнули белые звезды, и терпение лопнуло.

— Ах ты, тварь! — взревел я, поднимаясь на ноги. Мир поплыл. Передо мной, хихикая, стоял старик — в светлом балахоне, с морщинистым, лицом и колючими, не по-стариковски злыми глазками. Он что-то лопотал, тыча в мою сторону костлявым пальцем.

Не помня себя от бешенства, размахнулся для сокрушительного удара. Мой кулак, должен был размазать этого козла. Но удар так и не состоялся.

Из-за спины, будто из-под земли, выросла тень. Чудовищная длань сомкнулась на мое плечо с такой силой, что захрустели шейные позвонки и на мгновение перехватило дыхание. Меня оторвали от земли с нечеловеческой легкостью, как цыпленка. Я беспомощно забился в этой хватке, ноги судорожно перебирали по воздуху.

Старик, довольный, подошел почти вплотную. Его дыхание пахло чем-то кислым. Он тыкал пальцем уже прямо в мое лицо, и его речь, полная непонятных звуков и шипящих слов, обрушилась на меня.

— Кштар валла, загарр! — скрипел он. — Мортен нах фрайа, санарр? Дрогга, холд анн!

Я ничего не понимал. Видел только искаженное злобой лицо старика и чувствовал леденящую душу хватку того, кто держал сзади. Великан, судя по тому, как легко он его удерживал, был настоящим горой мышц.

— Отпусти! Я вас не понимаю, блядь! — хрипел я, пытаюсь вырваться.

Старик на мгновение замолк, изучая меня взглядом, полным презрения, затем брезгливо плюнул себе под ноги и, что-то бросив через плечо великану, развернулся и зашагал по тропе.

— Гронн. Талла вей, — пророкотал сзади низкий, как подземный гул, голос.

Железная хватка ослабла, но не отпустила меня, развернула и мощным толчком направила вслед за стариком. Делать было нечего и я, пошатываясь, побрел, растирая онемевшую шею. Теперь смог осмотреться.

Тропинка была узкой, утоптанной. Воздух пах влажной землей, грибами и сосновой хвоей — ничего необычного. Сосны вокруг были высокими, с красноватой корой, сквозь которую местами проступала липкая, золотистая смола. Небо, виднеющееся сквозь разрывы в кронах, было голубым. И солнце, если это было оно, светило слишком уж мягко, отбрасывая длинные, расплывчатые тени.

Ничего фантастического, но каждая деталь была чуть-чуть не той. Неправильной.

Старик впереди шел быстро, постукивая своим проклятым посохом по корням деревьев. Великан сзади дышал ровно и тяжело, его шаги были неслышными для такой махины, но я чувствовал его присутствие спиной — как будто за мной двигалась скала.

«Гронн», — пронеслось в голове Андрея. Имя? Приказ? Угроза?

Сжал кулаки. Голова раскалывалась, но ясность мысли понемногу возвращалась. Я был здесь, в незнакомом лесу, с двумя враждебно настроенными незнакомцами, говорящими на незнакомом языке. И единственное, что сейчас понимал совершенно точно — что эта тропинка ведет его в неизвестность, из которой нужно будет выбираться. Желательно, живым.

Старик впереди. Его балахон, некогда белый, а теперь в рыжеватых пятнах от грязи и трав, болтался на тощем теле. Штаны, заправленные в грубые кожаные сапоги, были того же серо-землистого оттенка. На голове — не шляпа, а скорее войлочный колпак, помятый. Все это было похоже на костюм для какой-то исторической реконструкции, но потертости и въевшаяся грязь выглядели слишком уж натурально.

А потом мой взгляд скользнул по своей собственной руке, сжатую в бесполезный кулак. И замер.

Рука была... чужой. Худая, с жилистыми, но еще не налитыми силой мышцами подростка. Кожа гладкая, без знакомых шрамов и пигментных пятен. С лихорадочной скоростью я ощупал левой рукой правое запястье. Там, где десятилетиями находился рваный, белый шрам от осколка бутылки — память о лихих девяностых, — была лишь чистая, чуть загорелая кожа.

Паника, холодная и тошнотворная, ударила в голову, заставив на миг забыть про боль. Украдкой провел ладонью по лицу. Ни морщин, ни щетины. Только юношески упругая кожа и острые скулы.

Что за херня? — пронеслось в голове, затмевая все остальные мысли. Я был не в своем теле. Не в своем сорокашестилетнем, выдавшем виды теле. Это было тело пацана. Максимум лет шестнадцати, не больше.

Великан сзади, был облачен в добротную, толстую кожу, покрытую царапинами и потертостями. Мы шли еще около часа. Тропа петляла меж сосен с красноватой корой, воздух становился прохладнее. Я, оглушенный открытием, почти не обращал внимания на путь, пока лес внезапно не расступился.

Небольшая деревушка расположилась на берегу, темной речушки. Избушки — не бревенчатые, а скорее сложенные из темного, дикого камня и серого дерна, с приземистыми, почти плоскими крышами. Дымок поднимался из нескольких каменных труб, пахнувший не дровами, а чем-то терпким и сладковатым, вроде жженого торфа. Между домами копошились люди, одетые в ту же простую, грубую одежду, что и старик.

Старик, не оглядываясь, гордо прошествовал к центральной, чуть более крупной постройке. Гронн снова мощно подтолкнул меня в спину, направляя следом.

Куда я попал? И в теле кого? — пронеслось в голове у меня, пока вталкивали, пахнувший дымом и вареной похлебкой интерьер чужого дома. Старик открыл дверь какой-то клетушки, в которую я залетел, получив ускорение от пинка здоровяка. Приземлившись на живот я и не

подумал вставать, сил не было. Приключение, которого я не просил, только что перешло на новый, совершенно немыслимый уровень.

Дверь в клетушку с скрипом отворилась, пропуская внутрь пожилую женщину. Её одежда — тёмное, хоть и добротного качества платье и аккуратный передник — резко контрастировала с её внешностью. Лицо, испещренное глубокими морщинами, словно высохшая глина, казалось вечно сжатым в комок недовольства. Тонкие, бескровные губы были поджаты, а в маленьких, глубоко посаженных глазах пылала неприкрытая неприязнь.

Она, не глядя на меня, швырнула деревянную плошку. Из неё выплеснулась серая, липкая на вид каша, от которой тянуло запахом прелых зерен и ещё чего-то землистого.

— «Дрошак, келта. Храш!» — просипела она, и по одному её ядовитому тону, по жесту, которым она бросила еду, было ясно всё: «Давай, жри, животное».

Она плюнула на грязный пол рядом с плошкой, развернулась и вышла, громко щёлкнув засовом. Щель под дверью выхватила из темноты последнюю деталь — её взгляд, полный омерзения, будто она только что отдала обед дворовой собаке.

Я остался один. В полумраке, в запахе плесени и старого дерева. Посмотрел на плошку. Живот сводило от голода, но мысль есть эту бурду вызвала рвотные позывы. Отшвырнул её ногой в угол. Деревяшка глухо стукнулась о стену, каша безнадежно растеклась по полу.

Снова посмотрел на свои руки — чужие, юные руки. Страх постепенно отступал, сменяясь леденящим, острым пониманием. Здесь не было места моему прошлому, заслугам, силе. Здесь я был никем. Мальчишкой в клетке. Игрушкой в руках чужаков.

Но даже у игрушки есть зубы, — подумал я, сжимая кулаки. И я их обязательно покажу. Как только представится случай.

Ночь была долгой и беспокойной. Я проваливался в короткие, тягучие кошмары, просыпаясь от каждого шороха, от скрипа половиц, от приглушенных голосов за дверью. Голод сводил желудок судорогой, но мысль о той серой бурде вызвала лишь горькую желчь, подкапывающую к горлу. Но всё равно не стал есть. Это было моё первое, крошечное и абсолютно бесполезное сопротивление.

Утром дверь с грохотом распахнулась, впустив резкий свет и троих незваных гостей. На пороге, как и ожидалось, стояли все трое: старик с его вечным противным выражением лица, женщина, чей взгляд источал ту же ядовитую ненависть, и молчаливый здоровяк Гронн, чья тень заполнила весь проем.

Старик что-то рявкнул на своем языке, явно приказывая выйти. Скрипя зубами от ярости и слабости, медленно поднялся и сделал шаг за порог. Я ожидал подвоха, но не такого быстрого. Трость со свистом рассек воздух и угодила мне по голове. Инстинктивно поднял руку, пытаясь прикрыть голову от второго удара, но старик, хитрая старая тварь, был проворнее. Следующий удар, короткий и точный, вонзился в ребра. Согнулся, захлебываясь кашлем, боль разлилась горячей волной по всему телу.

В тот же миг железная хватка снова сомкнулась на моей шее. Гронн, не выражая ни единой эмоции, потащил меня полузадушенного, к выходу из дома.

На улице их уже ждал четвертый — мужчина лет сорока, одетый в поношенную, грубую холщовую рубаху и штаны. В одной руке он сжимал топор, в другой — короткую, утяжеленную дубинку. Его лицо было обветренным и равнодушным.

И тут до меня дошло. Простая, животная логика этого места: не работаешь — бьют. Не ешь — бьют. Не подчиняешься — бьют.

Женщина, бурча что-то под нос, через несколько минут вынесла ту же самую деревянную плошку. Варёво внутри было холодным, комковатым и выглядело еще омерзительнее, чем вчера. Но теперь это была не просто еда. Это была отсрочка от наказания.

Сжав зубы и подавив рвотный рефлекс, залпом проглотил холодную липкую массу. Она была безвкусной, как... сечка, отваренная на грязной воде без соли и сахара, противная хрень.

Мужик с топором, наблюдавший за этим, коротко бросил: «Вей, дрогга!» — и пинком под зад придал мне ускорение в сторону окраины деревни.

Так начался первый рабочий день. Мне отвели роль выючного животного. Мужики с топорами, ловко и без лишних движений, валили невысокие, крепкие деревья и рубили их на чурки. Я же должен был собирать эти чурки в тяжелые, охапки, и тащить их по узкой тропе.

Оказалось, что это был лишь первый этап. Связки дров нужно было тащить дальше, на самый край деревни, где дым стоял коромыслом и пахло гарью. Там, на расчищенной площадке, Я увидел примитивный углевыжигательный процесс.

Это была не печь, а несколько больших куч. Чурки аккуратно укладывали в конусообразные поленницы, которые затем со всех сторон обмазывали толстым слоем глины и дерна, оставляя лишь несколько отверстий внизу для поддува и сверху для выхода дыма. Одна из куч уже горела — из верхнего отверстия валил густой дым, а вокруг нее сустились пара человек, подбрасывая в нижние отверстия щепу и следя, чтобы пламя внутри было неярким, тлеющим. Воздух вокруг дрожал от жара, а земля была черной от угольной пыли. Пахло жженым деревом и чем-то едким.

Сбросил свою ношу к краю площадки. Стоял, тяжело дыша, и смотрел на эту дымную работу. Мысли путались: отчаяние, злоба и жгучее любопытство. Что это за мир? Кто эти люди?

Но размышления прервал резкий пинок в спину. Надсмотрщик с дубинкой, не говоря ни слова, мотком головы показал обратно, в сторону деревни. Обед. Следующая порция бурды. И снова бесконечная, изматывающая переноска дров. Цикл начался заново.

Последняя охапка дров с глухим стуком обрушилась на растущую поленницу. Спина горела огнем, ладони, несмотря на мозоли, были стерты в кровь. Я стоял, пошатываясь, пытаюсь отдышаться, когда из вечерних сумерек у стены сарая возникли две знакомые фигуры.

Старик, щурясь своими колючими глазками-щелочками, с откровенным ехидством оглядывал меня с ног до головы. В своей потертой, но целой одежде, и его ухоженная, холеная старость казалась особенно издевательской на фоне грязного, изможденного меня. Гронн, как всегда, молчал, стоя позади, словно каменный истукан.

— «Фрайа мортен на гронн-та... Шеваль дрогга,» — просипел старик, и по одному его тону, по презрительной ухмылке было ясно — он сравнивал меня с худшим из животных. Быстрый, как змеиный укус, удар трости. Опять по голове. Трость звонко щелкнула по черепу, вызвав не столько адскую боль, сколько оглушительную волну унижения. Сука, да он просто целится в голову! — пронеслось в голове. Я понял это сейчас. Старик бил не чтобы покалечить — калечный раб не работоспособен. Он бил, чтобы причинить боль и показать, кто здесь господин, а кто — бесправный раб.

Я сглотнул ком ярости, стоя неподвижно и глядя в землю. Сопротивляться сейчас — значило получить от Гронна такое, что о прежних тычках я бы вспоминал как о ласке.

Старик что-то буркнул здоровяку, кивнул в сторону противоположного конца деревни и, плюнув почти к самым моим ногам, развернулся и ушел, постукивая своей проклятой тростью.

Гронн молча взял меня за плечо, направляя прочь от дровяных складов. Мы прошли мимо домов, к длинному, низкому строению, от которого еще за версту тянуло едким, знакомым до тошноты запахом. Свиарник.

Глава 3

3

У входа стояло «ведро». Это было неправильное слово. Это был здоровенный, грубо сколоченный деревянный ушат, от долгого использования почерневший и пропитавшийся зловонием насквозь. Веревоочная ручка врезалась в ладонь, обещая новые мозоли.

Дверь распахнулась, и волна смрада ударила в лицо. В полумгле хрюкали и возились плотные, грязно-розовые туши. Пол был густо покрыт навозом.

Гронн молча указал на ушат, потом на свинарник, и отошел, прислонившись к стене неподалеку.

Новая работа. Новая должность. Носильщик дров. А теперь — говночерпий.

Я зачерпнул деревянной лопатой первую порцию. Тяжелая, зловонная масса наполнила ушат. Когда он наполнился, стиснув зубы и пытаясь не дышать, потащил эту вонючую ношу к указанной яме на окраине. Каждый шаг отзывался болью в спине и рваными ранами на ладонях. В голове стучала одна-единственная мысль, холодная и четкая, как лезвие: «Я тебя переживу, старый черт. Я выживу. А потом я эту трость... засуну тебе в глотку по самую рукоять».

Вечерняя «трапеза» была тем же ритуалом унижения. Та же деревянная плошка шлепнулась на землю перед мной, расплескав серое варево. Запах кислого зерна смешался со смрадом, который теперь был моим спутником. Но ярость и отчаяние сменились холодной, расчетливой необходимостью. И звери едят, чтобы выжить.

Схватив плошку, залпом, почти не жуя, проглотил липкую массу, как и в прошлый раз. Она прилипала к небу, вызывая спазмы в горле, давился, заставляя себя глотать. Каждая капля — это сила. Каждая крошка — это шанс.

И как по расписанию, едва опустошил плошку, из сгущающихся сумерек возникла трость. Старик, казалось, получал садистское удовольствие от этой пытки. Он не просто бил — он выжидал момент, когда я буду наиболее уязвим: безоружен, занят едой, изможден.

«Шаккар дрогга,» — проскрипел он, и трость со свистом врезалась в моё плечо. Удар был не по голове, а по уже измученным, ноющим мышцам. И, разумеется, он был не один. Гронн, его безмолвная тень, наблюдал сзади, скрестив на груди руки, закованные в кожу. Его присутствие было гарантией того, что любая попытка ответить закончится мгновенно и сокрушительно.

После короткой, но унижительной экзекуции старик кивнул в сторону длинного низкого сарая, притулившегося рядом со свинарником. На этот раз даже конуры не удостоился. Гронн грубо подтолкнул меня к двери хлева.

Внутри пахло пылью, прелой соломой и, конечно же, едким духом свиного навоза, который теперь намертво въелся в кожу и волосы. В полумраке с трудом разглядел грубые стойла и горку грязной соломы в углу, служившую, видимо, подстилкой. Сначала запах был настолько сильным, что резал глаза и вызывал тошноту, но через несколько минут обоняние, предательски, начало привыкать.

Я повалился на солому, не раздеваясь — снимать эту пропитанную дерьмом рубаху не было ни сил, ни смысла. Физическое истощение было настолько полным, что даже отчаяние не могло с ним бороться. Мысли о чужом теле, о незнакомом мире, о старике, чью трость мечтал сломать о его же старый череп — все это потонуло в густом, беспмятном мраке, нахлынувшем следом. Уснул почти мгновенно, как убитый, пока в соседнем свинарнике похрюкивали новые «соседи».

Дни слились в однообразную, изматывающую полосу. Рассвет — удар палкой и деревянная плошка с безвкусной кашей. Потом дрова. Бесконечные ношения тяжелых, неудобных связок. После короткого перерыва на ту же самую бурду — свинарник. Зловонный ушат, врезаю-

щаяся в ладони веревка и пронзительное, унижительное зловоние, которое, казалось, въелось в кожу навсегда.

И всегда, как тень, появлялся старик. Он приходил без причины, просто чтобы осмотреть свою собственность. Его ехидные, шипящие фразы, «Шеваль дрогга» или «Кштар валла, загарр!», стали звуковым сопровождением этого ада. И всегда, всегда — этот быстрый, точный удар тростью по голове. Не калечащий, но унижительный до слез. Я научился не вздрагивать, не подавать вида. Просто стоял, сжав кулаки и глядя куда-то в пространство позади старика, копя ярость.

Две недели. Четырнадцать дней тяжелой работы и целенаправленного террора. Моё тело, хоть и оставалось чужим, начало меняться. Скулы стали резче, исчезла тощая дряблость с рук. Плечи, от постоянного ношения тяжестей, раздались вширь, налились плотными, мышцами. Я стал сильнее. Выносливее.

Видел в деревне и жителей. Женщин у домов, детей, игравших в пыли. Видел даже пару парней, которые, судя по всему, были моими ровесниками. Но когда проходил мимо, неся свою вонючую ношу, они шарахались в стороны, как от чумного. Их взгляды были полны не простого безразличия, а страха и брезгливого отвращения. Я был для них не человеком, а чем-то иным. Загарром.

Однажды, возвращаясь с пустым ушатом от навозной ямы, увидел, как один из таких парней, крепкий и рыжий, неудачно рубанул топором и рассек себе бедро. Парень вскрикнул, схватился за рану, из которой хлестала кровь. Его товарищи засуетились с растерянными лицами.

Я, действуя на чистом автомате, бросил ушат и рванулся к ним. Старая жизнь, где я не раз видел кровь и знал, что делать, на мгновение взяла верх.—Дурак, жгут надо! — крикнул по-русски, срывая с себя грязную рубаху чтобы скрутить из нее хоть что-то чем можно было перетянуть рану .

Но он не успел сделать и двух шагов. Рыжий парень, бледный от боли и ужаса, закричал что-то пронзительное и отполз от меня, как от прокаженного. Его друзья встали между нами, сжимая топоры, их лица исказились не просто непониманием, а настоящим ужасом. Они смотрели на меня, как на демона, покусившегося на их душу.

В этот момент рядом вырос Гронн. Он не сказал ни слова, просто взял меня за шею и с такой силой швырнул обратно к свинарнику, что я кубарем покатился по земле, ударившись головой о бревенчатую стену.

Лежа в грязи, с гулом в ушах и привкусом крови во рту, смотрел как они сами, неумело и суетливо, перевязывали раненого, бросая в мою сторону испуганные, ненавидящие взгляды.

Вот тогда до меня окончательно дошла вся глубина положения. Я был не просто рабом. Я был изгоем среди изгоев. Чужим в теле чужака. И сила, растущие мышцы, не приближали меня к свободе.

Поднялся, отряхнулся, натянул рубаху, подобрал свой вонючий ушат и поплелся за новой порцией навоза. Но внутри что-то переломилось. Ярость ушла. Осталась лишь холодная, безжалостная решимость. Я выживу. Не для того, чтобы сбежать. А для того, чтобы когда-нибудь, когда представится шанс, раздавить этого старика, Гронна и всю эту гребаную деревню.

На третьей неделе случилось то, что Андрей в глубине души уже начал считать невозможным — проблеск. Не снисхождение, не жалость, а простая, бытовая необходимость.

Мужик, который занимался пережигом дров в уголь — угольщик — слег. С ним приключилась лихорадка, и его обязанности некому было передать, кроме как тому, кто постоянно таскал дрова и хотя бы видел процесс со стороны. Этим «кем-то» оказался Я.

Старик, скрипя зубами от недовольства, что меня необходимо перевести на другую работу, но был вынужден согласиться. Экономика деревни была важнее личной прихоти. Когда Гронн привел к дымящимся угольным кучам, то я, не дожидаясь пинков, молча взял кочергу и

начал аккуратно подбрасывать щепу в нижние отдушины, следя за цветом и плотностью дыма. Делал это уверенно, переняв нехитрую, но требующую внимания науку за две недели наблюдений.

Старик, наблюдая за этим, что-то буркнул Гронну, явно недовольный, что «дрогга» оказался не так уж и глуп. Но менять что-либо было поздно.

И вот здесь началось самое интересное. Теперь мне приходилось не только следить за углем, но и носить его — в плетеных корзинах в кузницу.

Кузница стояла на отшибе, у ручья, и с самого порога ее захватывающая мощь была по чувствам. Воздух дрожал от жары и гудел от ударов. В центре этого ада, как повелитель стихий, стоял кузнец. Мужчина лет пятидесяти, ростом и широтой плеч едва ли уступавший Гронну, но в его силе была сконцентрированная, отточенная годами мощь ремесла. Его лицо, обветренное и серьезное, обрамляла короткая седая щетина, а глаза, узкие и внимательные. Его руки были размером с две мои головы, каждый палец — похож на обрубок стального троса.

Он молча наблюдал, как я, сгорбившись, вываливал уголь в специальный бункер. Его взгляд был тяжелым, оценивающим. В отличие от других, в его глазах не было ни страха, ни безразличности. Был лишь холодный профессиональный интерес.

В тот же день, после того как основные угольные кучи были растоплены и запечатаны, Гронн, получив от кузнеца короткий кивок, не повел Андрея обратно к свинарнику, а толкнул его в сторону кузницы.

Видимо, кузнец что-то сказал старику. Возможно, «Уголь у него получается. Давай его сюда, он нужнее», а может, просто «Он сильный, пусть мехи раздувает». Их язык я все еще не понимал, но иерархию уловил четко: слово Кузнеца здесь весило много.

Так у меня появилась вторая смена. Работу доверили самую черновую, но, как ни парадоксально, куда более человечную, чем таскание навоза.

Работа с мехами. Это оказалось каторгой иного порядка. Две огромные деревянные груши с ручками нужно было ритмично разводить и сводить, чтобы поддерживать в горне ровный жар. Первые дни после этого у меня отказывали руки и спина, но я стискивал зубы и гнал от себя плохие мысли, в кузне было лучше, чем в свинарнике.

Подача заготовок. Кузнец молча тыкал пальцем в полку с железными прутами, и я должен был в нужный момент, угадывая по взгляду мастера, подать ему в горн нужную заготовку и отскочить, чтобы не мешать. Ну и конечное уборка в помещении, в процессе работы образовывалось достаточно много мусора, окалины, шлак отбиваемый с изделий, угольная пыль и пепел выдуваемый мехами. Угольная пыль и пепел, летая, оседала практически на всём, что находилось в кузне. В связи с чем, после завершения работ я ветошью протирал полки с изделиями и инструментом. Веником сметал мусор с пола, совком собирал и выносил на улицу.

Кузнец, чье имя услышал лишь однажды — Борг — был человеком немногословным. Он не хвалил и не ругал. Лишь иногда, если Андрей делал что-то не так, его огромная ладонь опускалась ему на плечо, сжимаясь с такой силой, что кости трещали, и поправляла движение. Это был единственный язык, который он с ним использовал — язык силы и дела.

Но после недели в кузнице Андрей поймал на себе взгляд Борга. Тот, вытирая пот со лба, смотрел на его окрепшие плечи и руки. И в его глазах не было ни презрения, ни ненависти. Было лишь короткий, едва заметный кивок.

И для меня, жившего все это время в атмосфере унижительной жестокости, это молчаливое кивание, одобрение что ли, значило больше, чем любая похвала в моей прошлой жизни. Это был первый, крошечный лучик в кромешной тьме нового существования. И я цеплялся за него из последних сил.

Работа в кузнице стала не просто спасением от свинарника. Она стала щелью в эту чужую, враждебную реальность. И щелью этой был язык.

Кузнец Борг был молчалив. Он общался жестами, кивками и короткими, отрывистыми командами, которых Андрей сначала не понимал. Но он, чей ум, отточенный в прошлой жизни, не был затуманен подростковыми гормонами, начал ловить их, как голодный зверь — крохи.

Когда Борг, указывая на мехи, говорил: «Дунн», и я, запомнив, повторял: «Дунн», вкладывая в звук весь смысл — «раздувать». Сначала кузнец лишь бросал на меня короткий взгляд. Но однажды, когда поднимал тяжелую заготовку, я неуверенно произнес: «Железо?» по-русски, Борг хрипло бросил: «Кранн».

Это был прорыв. Я тут же повторил: «Кранн». Борг кивнул и продолжил работу.

С тех пор процесс пошел активнее. Я стал указывать на предметы вопросительным взглядом. — «Молот?» — спрашивал по-русски, держа в руках «балгу». — «Балга. Тулган балга», — поправлял Борг, имея в виду большой кузнечный молот. — «Балга», — я тут же повторял, и в голове щелкало, как замок.

Узнал, что огонь — «фрайа», вода — «ватра», уголь — «кол». Начал понимать простейшие команды: «Принеси» (Вей), «Держи» (Холд), «Жди» (Талла).

Борг, видя моё рвение, стал подсказывать чаще. Он не утруждал себя долгими объяснениями, но его исправления были точными, как удары молота. Если ошибался в слове, Борг просто повторял его правильно, глядя ему прямо в глаза, пока я не запоминал. Это был суровый, но абсолютно честный процесс обучения.

Еще одним знаком доверия, который изменил всё, стало разрешение ночевать в кузнице. Видимо, Борг устал от того, что его нового помощника каждый раз уводят и возвращают избитым, подавленным, и невероятно вонючим. Однажды вечером он просто ткнул пальцем в угол, где валялась грубая, но чистая овчина, и бросил: «Талла вей. Сонн» («Остаешься. Спать»).

Для меня это было равносильно попаданию в рай. Сравнительно тепло, сухо, и главное — не было вонючего свинарника. Я понял, что статус кузнеца в деревне чрезвычайно высок. Его слово, пусть и короткое, было законом даже для вредного старика. Тот, конечно, приходил, ворча, к кузнице, требуя «свою собственность», но Борг одним лишь молчаливым взглядом и движением плеч заставлял его отступать. Старик уходил, бормоча проклятия, но перечить Кузнецу не смел.

Однако избегать экзекуций полностью пока не получалось. Старик был хитер и злопамятен. Он выслеживал меня, когда ходил по нужде или таскал в кузню уголь. И тогда, вдали от защищающего взгляда Борга, меня ждали те самые хлесткие, унижительные удары трости.

— «Дрогга! Загарр! Не думай, что ты стал своим!» — шипел он, целясь в голову и плечи.

Но теперь у Андрея была защита. Не физическая, а ментальная. Лежа вечером на овчине в кузнице, слушая потрескивание углей в остывающем горне, он шепотом повторял выученные слова, как мантру: «Балга. Кранн. Фрайа. Вей».

Каждое слово было звеном новой цепи — не для рабства, а для освобождения. Он ковал её терпеливо, звено за звеном. Однажды она обретёт силу: либо станет опорой, удерживающей его на свободе, либо хлыстом, бьющим по рукам мучителей. Мысль об этом придавала ему сил.

Очередная встреча случилась у ручья. Я смывал сажу и копоть с лица и рук, когда из-за деревьев, словно зловеющая тень, возник старик. На его губах играла привычная ехидная ухмылка, а в глазах плясали огоньки предвкушения. Он уже занес свою проклятую трость, привычным жестом целясь в мою голову.

Но на этот раз всё пошло не по плану.

Я не отпрянул и не замер. Резко выпрямился и, глядя старику прямо в глаза, произнес, тщательно выговаривая еще неловкие, но уже уверенные слова на его языке:

— «Если не прекратишь... я найду способ. Отомщу».

Трость замерла в воздухе. Ехидная ухмылка сползла с лица старика, сменяясь чистым, неподдельным удивлением. Его брови поползли вверх. Он несколько секунд молчал, изучая меня, будто видя меня впервые.

— «Что? Мерзкий пес... наконец-то научился человеческому языку?» — просипел он, и в его голосе сквозь привычное презрение пробивалось нечто иное — любопытство, смешанное с настороженностью.

— «Научился», — коротко и твердо бросил Андрей.

Старик фыркнул. — «И что? Можешь сказать, как тебя зовут, собака?»

— «Меня зовут Андрей».

— «Андрей...» — старик с отвращением растянул слово, будто пробуя на вкус незнакомую пищу. — «Ага, вот и имя у тебя какое-то собачье. Ладно, Вонючка, иди дальше, работай».

В груди у меня что-то дрогнуло. Казалось, худшее миновало. Наконец то я сумел парировать, впервые за все время заставив этого негодяя удивиться. Чувство крошечной, но важной победы согрело изнутри. Когда я, уже почти расслабившись, развернулся и сделал шаг по направлению к кузнице.

И в этот момент мир взорвался белой вспышкой боли.

Тупой, оглушающий удар трости обрушился на его затылок. Он зашатался, едва удержавшись на ногах, и медленно, через туман в глазах, повернулся.

Перед ним снова стоял старик. Но теперь на его лице не было ни удивления, ни даже злобы. Там была маска чистого, безраздельного удовольствия. Он смаковал этот момент, этот подлый, вероломный удар.

— «Учись...» — тихо прошипел он, и в его глазах читалось продолжение: «Но помни, кто здесь хозяин».

— «Я... тебе... отомщу», — сквозь стиснутые зубы, через боль и тошноту, ели выдавил я.

Старик лишь презрительно фыркнул, развернулся и удалился, постукивая тростью.

Вернувшись в кузницу, с новой яростью погрузился в работу. Каждый уголек, который я бросал в горн, был в его воображении головой старика. Каждое движение мехов раздувало пламя ненависти.

Глава 4

4

И в этот день Борг доверил мне новую, ответственную задачу — кузнечные щипцы. Это были не просто клещи, а массивные, тяжелые «хольды», как их называл кузнец. Работа была адской. Андрей должен был крепко ухватить ими раскаленную добела заготовку и, повинуясь коротким командам Борга, держать ее на наковальне, поворачивать, подставлять под молот.

Жар от металла выжигал воздух, обжигая лицо. Искры шипящими брызгами летели на его руки и рубаху. Мускулы на руках и спине напряглись до предела, дрожали от непривычной нагрузки, но я не дрогнул. В голове стучала одна мысль: «Держать. Держать, чтобы выжить. Держать, чтобы когда-нибудь сжать этими щипцами глотку тому старику».

Борг, работая своим молотом, с силой, способной раздробить камень, обрушивал удары на металл. Громкий, ритмичный звон наполнял кузницу. Под эти удары раскаленный прут начал превращаться в нечто иное. Борг вытянул его, затем разрубил на несколько ровных кусков — будущие заготовки для подков.

Весь оставшийся день я видел перед собой только это: раскаленный металл, летящие искры и насмехающееся лицо старика.

Засыпая вечером на своей овчине, прислушиваясь к потрескиванию углей, я не думал о языке, не думал о свободе. Думал только о мести. Мысленно перебирал все предметы в кузнице: тяжелые молоты, острые зубила, раскаленные угли. Искал оружие. И был уверен, что найду его. Не сегодня, так завтра. Потому что каждая новая работа, каждая освоенная им вещь в этом мире, давала не только навык, но и потенциальное оружие. А кузница была самым большим арсеналом во всей этой проклятой деревне.

Утро вломилось в кузницу бледными лучами сквозь закопченное окно. Я выползал из-под овчины, как всегда, разбитый. Пока Борг не пришел, нужно было принести угля и приготовить все к работе. Таская тяжелые плетеные корзины, я машинально обходил знакомые углы, и взгляд мой зацепился за старую, прогнившую бочку, прислоненную к стене в самом темном углу.

Я остановился, прищурился. Из-под дубового обруча, вжатая в землю, торчала шляпка. Это была шляпка гвоздя. Крупная, квадратная, кованая.

Сердце заколотилось чаще. Оглянувшись, я присел на корточки, отодвинул бочку, которая с противным скрипом поддалась на пару сантиметров. Я протянул руку и обхватил пальцами холодный, шершавый металл. Он был тяжелым, увесистым, настоящим куском железа. Я потянул, и из земли, будто нехотя отпуская добычу, вылез гвоздь. Добротный, кованный, длинной с мою растопыренную ладонь и еще с палец — сантиметров пятнадцать, не меньше.

Я замер, сжимая в кулаке эту неожиданную удачу. Это был не просто кусок железа. Это был знак. Шанс. Я быстро сунул его обратно и задвинул бочку на место, отметив мысленно место. Сегодня все будет иначе.

Весь день я работал на автомате, подавая Боргу раскаленные заготовки, таскал уголь. Но внутри меня бушевала буря. Мысль о гвозде, о том, что я сделаю, не отпускала ни на секунду. Я ловил себя на том, что бросаю жадные взгляды на молотки, на наковальню, представляя, как металл будет мне поддаваться.

Наконец, рабочий день закончился. Борг, по своему обыкновению, смахнул пот с лица, бросил короткое «Оставайся» — и вышел, его массивная фигура скрылась в вечерних сумерках.

Я ждал, пока его шаги затихнут вдали. Сердце стучало где-то в горле. Быстро подойдя к двери, я убедился, что никого нет, и затворил ее на засов изнутри. Вернувшись к горну, я уви-

дел, что угли еще не погасли, лишь прикрылись пеплом, храня в глубине алое, живое сердце. Я схватил рукоятки мехов и начал работать ими, сначала осторожно, потом все ритмичнее.

Воздух со свистом врвался в горнило, пепел взметнулся вихрем, и из-под серой золы выползли сначала красные, потом оранжевые, и наконец — ослепительно белые язычки пламени. Знакомы жар ударил в лицо.

Дрожащими от нетерпения руками я достал свой клад. Холодный, неуклюжий гвоздь. Я схватил его кузнечными щипцами и сунул в самую гущу раскаленного чрева горна. Минуты тянулись мучительно долго. Металл сначала покраснел, потом пожелтел и, наконец, засверкал ослепительным белым цветом, готовый к ковке.

Перенеся его на наковальню, я схватил небольшой ручной молоток. Первый удар был неуверенным. Гвоздь лишь слегка подался, но не расплющился, а изогнулся дугой. Я выругался, снова сунул его в горн, снова раскалил. На этот раз бил яростнее, целясь в самое основание изгиба, пытаясь выправить и расплющить конец. Металл шипел и искрил, будто сопротивляясь, не желая принимать новую форму. Он норовил согнуться вбок, уйти в сторону, его было трудно удержать на месте.

Но я не сдавался. Адреналин и ненависть придавали сил. Я приноровился: быстрые, короткие удары по краю, чтобы сформировать лезвие, потом более сильные — по центру, чтобы выправить. Пот с меня лил ручьями, смешиваясь с копотью и летящими искрами. Прошел час, может больше. Но постепенно, под моими яростными ударами, изогнутый стержень начал превращаться в нечто иное. Что-то грубое, кривое, но уже отдаленно напоминающее длинный и узкий клинок.

Когда форма меня более-менее устроила, я бросил заготовку в бочку с водой. Шипение и клубы пара окутали мое творение. Достав его, я увидел почерневший, грубый, но уже нож.

Осталось самое сложное — заточка. У Борга был целый набор напильников. Я взял самый грубый, с крупной насечкой, и принялся за работу. Скрип металла по металлу резал слух. Я водил напильником, формируя скосы, сдирая лишний металл, выводя хоть какую-то режущую кромку. Пальцы немели от напряжения, спина гудела от усталости. Потом взял другой напильник, помельче, и пытался хоть как-то наточить лезвие. Оно получалось неровным, зазубренным, но острое было. Достал полено, опробовал. Острие впивалось в дерево, оставляя глубокие царапины.

Выдрал нить из размочаленного края рубахи, этой нитью подвязал нож к бедру, пытаясь максимально скрыть его.

Всю ночь я почти не сомкнул глаз. Под грубой овчиной пальцы то и дело нащупывали холодный, шершавый металл самодельного ножа, привязанного к бедру. В уме я снова и снова прокручивал план: подкараулить старика в темном углу, всадить лезвие ему под ребра, может быть схватить его же тростью как дубину против Гронна... Мечты о мести и побеге были единственными, что согревали меня в этом аду.

Мысль о побеге жгла изнутри, как раскаленный уголек. Бежать без оглядки, туда, где нет этого вечного старика с его тростью и унижительной работы за миску похлебки.

Но тут же, холодной струей, накатывало осознание. Этот нож — иллюзия. Побег — самоубийство.

Я ведь уже понял, как тут все устроено. Каждая деревня — это одна большая семья, опутанная кровными узами, общими предками и круговой порукой. Я здесь чужак. Если я трону кого-то здесь, даже в целях самообороны, даже того же старика или Гронна.

Я не стану преступником в глазах закона. Его тут нет. Я стану врагом рода. И весь этот род, от мала до велика, от грудных младенцев до дряхлых стариков, будет обязан меня найти. Кровь за кровь.

И даже если я проявлю нечеловеческую удачу и уйду от погони, что меня ждет за лесом? Другая деревня. Такой же замкнутый мирок, со своими правилами, своими табу и своим недо-

верием ко всему чужому. Чужака там либо прогонят, либо заставят работать на еще более жутких условиях, либо... прикончат, чтобы не было проблем. Мой нож не сделает меня своим. Он только отметит меня как опасного отщепенца.

Как победить систему, против которой бессильно даже оружие? Как вырваться из лабиринта, где все стены живые и все смотрят на тебя враждебно? Ответа не было. Его не могло быть.

Сжал кулаки, чувствуя, как бессильная ярость снова подкатывает к горлу. Нож показался не ключом, а бесполезным, холодным куском железа.

С горечью перевернувшись на другой бок. Побег был бессмыслен. Оставалось только терпеть, выживать и надеяться на чудо. С этим горьким, разочарованием я, изможденный, провалился в беспокойный, тревожный сон.

Утро началось как обычно. Уголь, дрова, ожидание Борга. Но едва я закончил раскладывать инструменты, в кузницу вошел не кузнец, а тот самый мужик с топором, мой первый надсмотрщик. Его лицо было невозмутимым.

— «Старейшина зовет. Имперский откупщик едет», — бросил он коротко.

«Имперский откупщик». Звучало важно, но для меня это был просто новый непонятный термин. Однако послушаться я не посмел. С тревогой похлопав по скрытому под тканью лезвию, я покорно последовал за ним.

У дома старейшины собралась, кажется, вся деревня. Мужики стояли скученно и молча, их лица были напряжены. Среди них я увидел и Борга. Его массивная фигура и суровое лицо выделялись даже в этой толпе. Он бросил на меня короткий, ничего не выражающий взгляд.

Вскоре подъехала закрытая повозка, запряженная четверкой крепких лошадей. Из нее вышел мужчина в дорогах, хоть и походных, одеждах — солидный, с холодными глазами. Его слуга моментально установил перед ним складной столик и стул. Это и был откупщик. Он занял место с видом хозяина, бегло окинул толпу взглядом и кивком дал понять, что готов.

Начался странный ритуал. Мужики по очереди подходили к столу и выкладывали перед важным гостем кто горсть медяков, кто связку шкурок, кто плетенку с сушеными кореньями. Откупщик бегло оценивал взглядом и отсылал прочь. Наконец, очередь дошла до старейшины.

Мерзкий старик подошел к столу, низко поклонился, а потом развернулся и поманил меня пальцем. Внутри у меня все сжалось. Зачем я ему? У меня же ничего нет.

— «Вот, почтенный откупщик, пацан», — голос старика стал противно заискивающим. Он повернулся ко мне, и его тон мгновенно сменился на привычный, ядовитый: — «Склони голову, животное! Не слышишь, что ли? Я сейчас тебя отлуплю, чтобы ты был почтенней и внимательней!»

Я увидел, как его рука с тростью взметнулась вверх для очередного подлого удара. Вся накопившаяся ненависть, вся ярость этих недель поднялась внутри. Мое тело среагировало само. Рука рванулась в штаны, к рукояти ножа. Я не думал, я действовал на чистейшем адреналине.

Но свершилось нечто иное.

Я не выхватил нож. Вместо этого мир поплыл, закружился, и я оказался отброшенным на пять метров назад, будто невидимая рука отшвырнула меня от стола. Я едва удержался на ногах, сердце колотилось как бешеное.

Тишину прорезал синхронный, приглушенный вздох толпы — громкое, шокированное «Охх!». Все смотрели на меня с открытыми ртами. Я сам не мог понять, что произошло.

И тут мой взгляд упал на старейшину. И я увидел то, чего никогда не видел прежде. На его морщинистом, вечно искаженном злобой лице сияла улыбка. Широкая, торжествующая, почти счастливая.

— «Получилось, ваша милость! Я сделал это!» — прокричал он, обращаясь к откупщику.

Важный мужчина на стуле удовлетворенно хмыкнул, достал из-за пояса увесистый кожаный мешочек, звон которого красноречиво говорил о его содержимом, и поставил его на стол перед стариком.

— «Неплохо», — лишь и сказал он.

Старейшина, не скрывая ликования, сгреб мешочек, в мгновение ока спрятал его в складках своей одежды и склонился в низком, почтительном поклоне.

А я стоял, все еще не в силах пошевелиться, пытаюсь осознать случившееся. Это не было нападением. Это был... тест. И я, сам того не ведая, его прошел. Мои мечты о мести вдруг показались детскими и наивными. Я был не рабом. Я был товаром. И, судя по всему, очень ценным.

Я стоял, все еще не веря в происходящее, чувствуя на себе тяжелый, изучающий взгляд имперского откупщика. Тот что-то негромко, но властно шептал старейшине. Старик — слушал, подобострастно кивая, и на его лице застыла смесь страха и алчности.

Наконец, откупщик закончил и поднял на меня взгляд. И... улыбнулся. Это была не теплая, дружеская улыбка, а скорее удовлетворение коллекционера, нашедшего редкий экспонат.

Старик тут же развел бурную деятельность. Кивнул своему здоровяку, и тот, Гронн, быстрыми шагами направился ко мне. Я инстинктивно напрягся, ожидая грубого захвата, но на этот раз его огромная лапа просто легла на мое плечо и развернула меня, мягко, но неуклонно направляя. Мы остановились за углом дома старейшины.

Вскоре к нам подбежали трое мужчин. Двое несли по два дымящихся паром ведра с водой, а третий волок на могучей спине здоровенное, выдолбленное из цельного ствола корыто.

— Раздевайся. И в корыто, — коротко бросил Гронн.

Я не стал сопротивляться. Сбросил свою вонючую, пропитанную навозом, потом и копотью робу и залез в прохладную деревянную чашу. Тут же мне прописали леща, и я лишился своего вымученного оружия, я опасался, что санкции будут тяжелее, но обошлось. В этот момент подошла та самая женщина, жена старика, чье лицо всегда было искажено маской вечной ненависти. Сейчас это выражение сменилось на отстраненно-деловое. В руках она несла что-то, прикрытое чистым, хоть и протертым полотенцем. Скинув его, она обнажила деревянную ложку и глиняную плошку, наполненную густой, белесой субстанцией, напоминавшей очень жирную сметану.

Один из мужиков зачерпнул ковшом теплую воду из ведра и окатил меня. Другой, к моему изумлению, достал из-за пояса мочалку, зачерпнул из плошки ту самую «сметану» и принялся намыливать меня. И тут же я узнал запах. Резкий, щелочной, незабываемый — хозяйственное мыло! Только здесь оно было в виде густой пасты.

Меня терли так яростно, будто снимали с меня не грязь, а кожу. Мочалка впивалась в тело, вызывая жгучую боль, но я стиснул зубы и молчал. Было ясно: Горхан боялся, что я буду мыться кое-как, и потому организовал эту тотальную чистку силами «группы товарищей», чтобы представить товар лицом.

Когда с меня смыли последнюю пену и вытерли насухо грубым, полотенцем, наступил финал. Мне принесли новую одежду — простую, но целую холщовую рубашу и штаны, а главное — обувь! Кожаные, по виду, «ботинки» на мягкой подошве, со шнурками-завязками. Жаль, зеркала не было, но скрывать не буду — я чувствовал себя великолепно. Чистая кожа, новая одежда, и главное — нигде рядом не торчал этот долбаный старик со своей вездесущей тростью.

Чистого и переодетого меня подвели к имперскому откупщику. — Ну вот, это совсем другое дело, — буркнул он, окидывая меня довольным взглядом. — Уже похож на человека. Такого и в столицу вести не грех. Быстренько соберите ему еды в дорогу, досмотрите получше. А ты, молодой человек, полезай в повозку. Нам надо заехать еще в пару мест.

Сказано — сделано. Я последовал за ним и залез в повозку. Внутри были устроены мягкие сиденья-лавки так, что можно было сидеть лицом друг к другу. Рядом со мной, погрузив в

повозку узелок с провизией, устроился слуга важного господина. Повозка тронулась, и только сейчас я подумал, что не видел кучера. Повернув голову, я заметил в передней стенке небольшое окошко. Заглянув в него, я увидел, что кучер сидит в полузакрытой кабине, защищенной сверху и по бокам, но открытой спереди для управления лошадьми. «Интересная конструкция, — мелькнула мысль. — В этом мире, выходит, все же заботятся о людях».

Глава 5

5

Повозка катилась по лесной дороге, когда откупщик, сидевший напротив, нарушил молчание.—Меня зовут Кассиан, — представился он. — А теперь, молодой человек, представьтесь, пожалуйста, полностью. Андрей, как я понял?

— Андрей Ильич Федотов, — автоматически выпалил я, ошарашенный внезапным вопросом.

Кассиан поднял бровь.—Очень необычно. Имя да еще тройное... Действительно, необычно. И как вы попали в такое захолустье?

Воспользовавшись шансом, я выложил все, что накопилось.—К сожалению, не помню. Меня нашли на тропинке без памяти. И, если это возможно, я бы хотел пожаловаться на старейшину! Он садист и маньяк! Он все время издевался надо мной, причинял боль и страдания, подвергал унижительным работам!

Кассиан внимательно выслушал, его лицо оставалось невозмутимым.—Хм. Интересная у вас молодой человек манера общения. А если сопоставить его с необычным именем... можно сделать определенные выводы. Что касается старейшины... Он обладает зачатками магии разума и имеет способность видеть предрасположенность человека к той или иной магической способности. Вот он и разглядел в тебе дар к магии пространства. А так как наша Империя Аэндор очень нуждается в магах, люди, нашедшие и определившие одаренных, имеют право на вознаграждение. Если же эти одаренные еще и «инициированные» — то есть проявили свой дар — вознаграждение удваивается. Исходя из чего, действия старейшины Горхана имели сугубо практический характер. Он намеренно вводил тебя в стрессовые ситуации, при которых твои способности могли ярко проявиться. Причем, что ценно, на моих глазах. Я бы даже сказал, он искусный психолог. И действовал, разумеется, в собственных корыстных интересах, и ничего более.

Я слушал, и у меня в голове, наконец, все встало на свои места. Пытки, унижения, постоянный страх... Все это было не просто жестокостью. Это была холодная, расчетливая дрессировка.—Сейчас, когда вы мне это рассказываете, я понимаю подоплеку, — медленно проговорил я. — Но что со мной будет дальше?

— Дальше, молодой человек, вы будете обучаться в Имперской Академии магии. И так как, скорее всего, вы не сможете доказать свое благородное происхождение — уверен, ни документов, ни иных свидетельств у вас нет — вы будете зачислены на факультет бытовой магии. И это, отмечу, достаточно неплохая участь для вас. По крайней мере, куда лучше, чем прозябать в той деревне, где вы были найдены.

Факультет бытовой магии. Звучало не так эпично, как хотелось бы. Но Кассиан был прав. Это в тысячу раз лучше, чем таскать навоз и быть живой мишенью для трости Горхана. Я выглянул в окошко повозки. Лес расступался, открывая дорогу в неизвестное, но уже не такое мрачное будущее. У меня было имя, пусть и чужое, но сильное тело и странная способность, которую только предстояло понять.

Отъехав от деревни а, мы вскоре свернули на более наезженную дорогу, и уже к полудню следующего дня показалась другая деревня. Процедура повторилась с поразительной точностью, словно я наблюдал один и тот же ритуал. Кассиан восседал за своим складным столиком, жители по очереди подходили и выкладывали свою дань — шкурки, тусклые монетки, плетеные изделия. Я стоял поодаль, чувствуя на себе любопытные, но лишённые той злобной искры взгляды. Здесь не было ни своего Горхана, ни, как выяснилось, одаренных. Собрав налоги, Кассиан кивнул, и мы, не задерживаясь, двинулись дальше.

Однако, отъехав от деревни на приличное расстояние, повозка неожиданно свернула с дороги на живописную полянку у небольшого ручья и остановилась. Слуга, молчаливый и проворный, моментально установил тот самый столик, но на этот раз накрыл его скатертью и разложил припасы. Пахло копченым мясом, свежим хлебом и какими-то незнакомыми, но аппетитными специями.

— Составите мне компанию, Андрей? — вежливо, но тоном, не терпящим возражений, произнес Кассиан.

Это был не приказ рабу, а приглашение. Пусть и с оттенком снисхождения. Я кивнул, стараясь сохранять достоинство, и занял место напротив.

То, что последовало дальше, стало для меня настоящим шоком. Первый за долгие недели кусок мягкого, душистого хлеба. Первый ломоть сочного, копченого мяса, таявшего во рту. Я ел, стараясь сдерживать себя, но, кажется, Кассиан видел, с каким животным наслаждением я поглощаю пищу. Он не подавал вида, невозмутимо беседуя о дороге и погоде.

Затем слуга поставил перед нами два серебряных бокала и налил из темной стеклянной бутылки густое, рубинового цвета вино. Я осторожно пригубил. На вкус оно было терпким, сложным, с послевкусием лесных ягод и дуба. Это был восхитительный напиток. Он согревал изнутри, разливаясь по телу приятной тяжестью и смывая остатки нервного напряжения.

Я чувствовал себя... изумительно. Чистая одежда, сытый желудок, легкий хмель в голове и осознание, что самый страшный этап моего мытарства, похоже, позади. Это было лучшее ощущение с того самого момента, как я очнулся на лесной тропинке.

Слуга и кучер ели отдельно, у ручья, и в их взглядах, брошенных в мою сторону, я не видел ни зависти, ни злобы — лишь привычную почтительность к господину и его спутнику.

Погрузившись обратно в повозку, я откинулся на мягкую спинку. Мерное покачивание, сытость и усталость сделали свое дело. Дорога превратилась в размытую полосу за окном, голос Кассиана стал далеким гулом. Впервые за долгое время я не видел во сне ударов трости, зловония свинарника или насмехающегося лица Горхана. Я уснул глубоким, сладким, безмятежным сном, укачиваемый надеждой на то, что впереди может быть что-то большее, чем просто выживание.

Я проснулся от того, что повозка замедлила ход. Кассиан сидел напротив, тоже, кажется, задремав, его обычно собранное лицо сейчас выглядело усталым и смягченным. Мне так хотелось расспросить его обо всем: о столице, об Академии, о том, как вообще устроена эта Империя Аэндор. Но будить его не стал. Судя по всему, его работа отнимала немало сил.

Делать было нечего, и я уткнулся в окно. Пейзажи за его пределами медленно менялись. Густые леса поредели, сменившись возделанными полями и пастбищами. Вскоре показались и первые одинокие хутора, а затем и целая лента дороги, заполненная людьми: селяне с телегами, погонщики с отарами овец, странствующие ремесленники с котомками за спиной.

Вскоре слуга, сидевший рядом со мной, тихо тронул Кассиана за плечо. — Ваша милость, подъезжаем к Велениру.

Кассиан мгновенно проснулся, его взгляд снова стал острым и внимательным. Он потянулся, разминая шею, и затем обратился ко мне, понизив голос, словно делаясь большим секретом.

— Андрей, слушай и запоминай. В городах тебе не стоит пользоваться полным именем. Двойные, а уж тем более тройные имена — привилегия дворян. Без документов, подтверждающих твое происхождение, это может привлечь... ненужное внимание. Как со стороны дворян, жаждущих найти уязвимую мишень, так и со стороны простолюдинов, которые возненавидят тебя за самую попытку казаться выше. Зови себя просто Андрей. Это безопаснее.

Я кивнул, понимая логику. В этом мире, выходило, имя могло быть как защитой, так и приговором.

— И еще, — продолжал Кассиан, — пока я буду заниматься своими делами, тебе не стоит покидать повозку. Люди знают, что кроме меня и моего слуги, в этом транспорте может ехать только одна категория пассажиров — «одаренные», найденные для Академии. А такой товар... ценен. Неосмотрительного парня могут просто украсть и продать какому-нибудь дворянину в личную службу или на потеху. А уж новый хозяин может распорядиться тобой как угодно. Думаю, ты насмотрелся в деревне, что значит быть бесправным.

От этих слов по спине пробежал холодок. Я снова мог стать товаром.

В это время повозка, потряхиваясь на выбоинах, подкатила к городским укреплениям. Веленир оказался не таким уж и маленьким. Высокие стены из темного, потрескавшегося камня венчали частоколом острых зубцов. Над воротами, окованными черным железом, красовался герб — стилизованная башня на фоне гор, что, вероятно, символизировало неприступность. Стража в потертых, но прочных кожаных доспехах лениво косилась на проезжающих, но, узнав герб на повозке Кассиана, тут же выпрямилась и почтительно пропустила нас, даже не заглядывая внутрь.

Въехав в город, я почувствовал, как изменился воздух. Пахло теперь не лесом и полями, а дымом сотен очагов, человеческим потом, специями, кожей и чем-то кислым — вероятно, отходами, что текли по открытым канавам вдоль узких, извилистых улочек. Повозка с трудом пробиралась сквозь шумную толчею. Крики торговцев, предлагавших свой товар с лотков, звон молотков из открытых мастерских, мычание скота, которого гнали куда-то на задний двор, — все это сливалось в оглушительный, хаотичный гул.

Я жадно вглядывался в жизнь, кипевшую за окном. Люди самых разных сословий: запятанные ремесленники, горожане в простых, но чистых одеждах, нищие в лохмотьях, и изредка — щеголь в камзоле с вышитыми рукавами, с презрением отшатывающийся от толпы. Мир оказался куда больше, сложнее и опаснее, чем я мог предположить, глядя из своей деревни-тюрьмы.

Наконец, мы выехали на просторную, вымощенную булыжником площадь. В центре ее бил фонтан со скульптурой того же герба, откуда горожане набирали воду в кувшины. По периметру стояли самые важные здания: массивная, с узкими бойницами ратуша, длинное здание с вывеской, изображавшей монету и весы — вероятно, гильдия торговцев или казначейство. Здесь повозка и остановилась.

— Жди здесь, — еще раз напомнил мне Кассиан и, в сопровождении слуги, направился к ратуше.

Я откинулся на спинку сиденья, чувствуя себя пленником в золотой клетке. За этим окном кипела жизнь, но шаг в сторону от отведенной роли мог вновь низвергнуть меня в ад. Оставалось только ждать и смотреть.

Время тянулось мучительно медленно. Без часов я мог ориентироваться только по солнцу, которое заметно сместилось по небу. Должно быть, прошло не меньше двух часов. Я наблюдал за горожанами, пытаясь угадать по их одежде и манерам, кто есть кто. Вот прошел стражник в потрепанной кольчуге, зевнув так, что видно было все гнилые зубы. Вот торговка с корзиной, оглушительно торговавшаяся с важной матроной о цене на кур. А вот двое оборвышей устроили потасовку из-за украденной булки, пока их не разогнал ударом палки городской стражник.

И вот в этом потоке я наконец увидел знакомую фигуру. Из дверей ратуши вышел Кассиан, его лицо выражало привычную деловую собранность. Но теперь за ним следовали двое.

Первый — парень лет шестнадцати. Высокий, уже почти сложившийся, с широкими плечами и упрямым подбородком. Его темные волосы были коротко острижены, а в глазах, исподлобья наблюдавших за происходящим, читалась настороженность и тлеющая искра независимости. Он был одет попроще, но его холщовая рубаха и штаны были целыми и чистыми, а на ногах — добротные, хоть и потертые сапоги. Он выглядел так, будто был сыном какого-нибудь

зажиточного ремесленника, которого забрали из привычной жизни, и он этого явно не одобрял. Позже я услышал, как Кассиан назвал его Торин.

А вот его спутница была полной противоположностью. Девочка, лет двенадцати, не больше. Худая, как тростинка, в грязной, рваной одежде, болтавшейся на ней мешком. Лицо бледное, испуганное, большие глаза смотрели на мир с таким животным ужасом, что стало не по себе. Ее светлые, спутанные волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. Она шла, мелко семеня, и, казалось, готова была броситься бежать при любом резком звуке. Ее имя, как я потом узнал, было Элви.

Замыкал процессию слуга Кассиана, согнувшийся под тяжестью добротного, окованного железом сундучка. Налоги, видимо, собрали неплохие.

Кассиан, не останавливаясь, направился к повозке. Его взгляд скользнул по мне, оценивающе, словно проверяя, на месте ли его имущество.—Открывай, — кивнул он слуге, указывая на багажное отделение в задней части повозки.

Слуга откинул крышку, с трудом впихнул туда сундук и захлопнул ее. Затем он жестом велел Торину и Элви залезать внутрь. Парень вскарабкался первым, молча, с плохо скрываемой досадой. Девочка замерла в нерешительности, пока слуга не подтолкнул ее легонько в спину. Она вскрикнула и, словно ошпаренная, прыгнула внутрь, забившись в самый дальний угол.

Кассиан уселся на свое место напротив меня, слуга — рядом со мной. Повозка тронулась, покидая шумную площадь Веленира.

Внутри воцарилась тягостная тишина, нарушаемая лишь стуком колес и отрывистым, старательно сдерживаемым всхлипыванием Элви. Торин сидел, сжав кулаки, и смотрел в окно, демонстративно показывая, что не желает ни с кем общаться. Я понимал их. Они были такими же, как я — пленниками, пойманными в сети имперской системы. Разница была лишь в упаковке и в том, какой ад им пришлось пройти до этого. И глядя на испуганное личико Элви, я с содроганием думал, что, возможно, мой ад с Горханом был еще не самым страшным.

Тягостное молчание в повозке, наконец, прервал Кассиан. Он не стал давить или приказывать, а заговорил спокойным, почти отеческим тоном, явно стараясь разрядить обстановку и успокоить новых попутчиков.

— Ну что, познакомимся? — начал он. — Этот угрюмый молодой человек — Торин. Сын здешнего бондаря, человека весьма уважаемого, в мастерской которого трудится добрая дюжина работников.

Торин мрачно кивнул, не отрывая взгляда от окна. Было ясно, что его забрали из самой гущи налаженной жизни. Единственный сын среди пяти дочерей, он, по сути, был наследником и продолжателем дела. А теперь его будущее перечеркнуто одним лишь «жребием», как позже пояснил Кассиан.

— А это — Элви, — голос откупщика стал чуть мягче. Девочка, услышав свое имя, вся съежилась. Оказалось, ей было уже четырнадцать, но годы недоедания и каторжной работы в качестве дворовой сироты сделали свое дело — она выглядела на все двенадцать. Ее история была простой и горькой: ни кола, ни двора, и единственной ее ценностью для города оказался скрытый дар.

Кассиан, словно читая мои мысли, объяснил суровые правила Империи: каждый город, помимо обычного налога, обязан был поставить определенное количество «одаренных». Двух — это был необходимый минимум для Веленира. Откупиться было невозможно. Так что Элви для них стала настоящей находкой — сироту отдать не жалко. А Торину просто не повезло, его имя вытянули по жребию.

Но Кассиан был не только сборщиком, но и искусным дипломатом. Он принялся обрисовывать им перспективы.—Не горюйте, — говорил он. — Даже неблагородный маг, развивший свой дар, может достичь немалых высот. Богатство, почет, уважение при дворе... С этим не сравнится участь даже самого удачливого бондаря.

Его слова действовали. Торин хоть и не развеселился, но его плечи немного распрямились, а взгляд задумался. А с Элви и вовсе произошла разительная перемена. Слезы на ее лице высохли, и в больших глазах, вместо прежнего ужаса, появился робкий, но живой интерес. Возможно, впервые в жизни ей пообещали не побои и голод, а нечто иное — будущее.

Тут Кассиан жестом указал на меня. — А это — Андрей. Селянин. Но, в отличие от вас, он уже инициированный адепт магии пространства. И, как видите, сидит спокойный, довольный и, я бы сказал, счастливый от открывающихся перспектив.

На меня устремились три пары глаз: оценивающий взгляд Торина, полный надежды — Элви, и одобрителный — Кассиана. Я лишь кивнул, стараясь выглядеть именно таким — уверенным и довольным.

Вскоре Кассиан приказал остановиться на ужин. Слуга, уже привычно, накрыл полевой ужин. И снова это была не просто еда, а настоящий пир: сочное мясо, свежий хлеб, невиданные мною до этого овощи. Я заметил, что в этом мире нет глупых ограничений по возрасту для вина, и Элви с Торином тоже получили по небольшому кубку. Это, как ни странно, помогло — запретов меньше, жизнь кажется свободнее, и напряжение окончательно спало.

После ужина, забравшись в повозку, Элви, разомлевшая от еды и вина, неожиданно прижалась к Кассиану, как к защитнику, и почти сразу уснула, тихо посапывая. Через короткое время ее примеру последовал и я. На сытый желудок, под легким хмелем и впервые за долгое время ощущая некое подобие безопасности, сон накатил как волна.

Глава 6

6

Утро встретило нас словами Кассиана, который, выглянув в окно, обвел нас взглядом. — Просыпайтесь. Мы подъезжаем к столице. Скоро нам придется с вами прощаться.

За окном, в утренней дымке, уже угадывались неясные, но грандиозные очертания. Не просто город, а сердце Империи. И где-то там, за его стенами, нас ждала Академия — место, где должно было решиться, кем мы станем.

По мере того как повозка катилась по все более ухоженной и оживленной дороге, очертания начали обретать форму. Очертания стали четче, и я понял, что вижу стены. Стены Аэндорила, столицы Империи.

Они росли по мере нашего приближения, пока не заняли все небо. Это были не просто укрепления — это был рукотворный утес, высеченный из бледно-серого, почти белого камня. Башни, высокие и стройные, словно иглы, впивались в небесную лазурь. На их шпилях полоскались знамена с гербом Империи.

Ворота были исполинскими, аркой уходящими в толщу стены. Они были отлиты из темной, отполированной до зеркального блеска бронзы и покрыты чеканными изображениями — не сценами войн, а символами ремесел, магии и знаний: молоты, свитки, звезды и стилизованные молнии. Они стояли распахнутыми, но ощущение было таким, будто мы въезжаем не в город, а в пасть колоссального существа. Стража здесь была не похожа городских стражников Веленира — это были воины в латных доспехах с идеально подогнанными пластинами, с непроницаемыми лицами и взглядами, видящими не людей, а потенциальные угрозы.

И вот мы внутри. Гул Веленира показался бы здесь тихим шепотом. Аэндорил оглушил нас. Шум был физическим — грохот сотен колес по булыжнику, крики на десятках наречий, звон кузнечных молотов, смешанный с перезвоном колоколов с бесчисленных башен. Воздух был густым и сложным — запах дыма, экзотических пряностей и еще чего-то... острого, электризирующего.

Мы проезжали по широким проспектам, застроенным домами в три-четыре этажа с резными фасадами, миновали огромные рынки, ломившиеся от диковинных товаров, видели фонтаны невиданной красоты. Людской поток был пестрым и яростным. Здесь можно было увидеть кого угодно: богатых купцов в шелках, закованных в сталь рыцарей, людей в длинных мантиях, загорелых моряков и, конечно, магов. Не колдунов в лохмотьях, а людей в изящных мантиях, с посохами, украшенными кристаллами, чьи взгляды казались слишком проницательными.

И вот, в самом сердце этого кипящего котла, перед нами снова выросли стены. Не такие высокие, как городские, но от них веяло не мощью. Они были сложены из темного, почти черного базальта, и камни были подогнаны так идеально, что швы между ними казались нарисованными. Это были стены Имперской Магической Академии.

Ворота здесь были иными — не бронзовыми, а высеченными из цельных мраморных глыб, испещренных мерцающими серебряными рунами. Они медленно разошлись сами собой, без участия стражников, пропуская нашу повозку в тишину, которая за ними скрывалась. Мы въехали в широкий двор, вымощенный белым камнем. Воздух здесь был чистым, прохладным и звонким, а шум города остался где-то снаружи, за черной стеной, словно его и не существовало.

Повозка остановилась. Кассиан обвел нас взглядом — Торуна, Элви и меня. — Ну вот мы и прибыли. Дальше — ваша дорога. Помните, что я вам говорил. Удачи.

Его тон был ровным, деловым. Его работа была завершена. Теперь мы были проблемой Академии. Я посмотрел на величественные, безмолвные здания из того же темного базальта, на высокие остроконечные башни, уходящие в небо. Здесь пахло не навозом, не едой и не

потом. Здесь пахло силой. Той самой силой, которая могла либо сделать меня кем-то, либо сломать окончательно. Я глубоко вздохнул и приготовился сделать первый шаг в свою новую, непредсказуемую жизнь.

Дверца повозки отворилась, впустив внутрь непривычно тихий, напоенный ароматами цветов и свежескошенной травы воздух. Мы поспешно вылезли наружу, чувствуя себя неловко и потерянно на фоне этой базальтовой торжественности. Кассиан остался внутри, его миссия была завершена.

К нам сразу же, словно из самой тени стены, направились двое. Первый — привратник в простой, серой мантии, с внимательным, но нейтральным взглядом. А второй... Вторым был одет в мантию глубокого синего цвета, расшитую по подолу серебряными нитями, изображавшими те же руны, что и на воротах. Он был не стар, но в его глазах светился ум и спокойная уверенность, которая внушала уважение без всяких усилий.

Он вежливо, почти фамильярно поздоровался с Кассианом, и тот в ответ лишь кивнул в нашу сторону:—Принимайте новеньких.

В его тоне сквозила привычная деловитость. Я представил, как десятки, а может и сотни таких же растерянных парней и девушек, выходили здесь из его повозки за долгие годы службы. Мы были для него не людьми, а выполненным пунктом в отчете.

Человек в мантии — маг, как я сразу мысленно его окрестил, — обернулся к нам. Его лицо расплылось в короткой, ободряющей улыбке.—Добро пожаловать в лоно Знаний, — его голос был бархатным и спокойным. — Прошу за мной.

Он махнул рукой, и мы, как цыплята за наседкой, потянулись за ним, едва осмеливаясь перевести дух. И замерли.

Мы вышли в роскошный парк, чья идеальность казалась неестественной. Газон был абсолютно ровным, изумрудно-зеленым, без единого сорняка. Кусты и деревья были подстрижены не в причудливых зверей, как я видел в книгах про Версаль, а в безупречные геометрические формы: идеальные шары, кубы, пирамиды и даже сложные многогранники. Листья блестя, будто их только что вымыли, а цветы на клумбах образовывали сложные, симметричные узоры, переливающиеся всеми цветами радуги. Это был не сад, а демонстрация абсолютного контроля, воплощенная в живой природе. Этот вид, поразил нас всех. Даже угрюмый Торин разинул рот, а Элви тихо ахнула, забыв на мгновение свой страх.

— Меня зовут Мастер Теодор, — представился наш провожатый, не замедляя шага. — Я один из наставников и ваш куратор на период вводного цикла. Он указал на большое, но куда более уютное на вид здание из светлого песчаника, что стояло в отдалении от мрачных базальтовых башен. — А это, общежитие для тех из вас, кто... не может похвастаться благородной родословной. Это будет ваш дом как минимум на ближайшие три года.

Его тон был не просто дружелюбным; в нем сквозило неподдельное, пусть и сдержанное, уважение. Он не смотрел на нас как на скот или подарок судьбы. Он видел в нас потенциальных коллег. И мы втроём готовы были сделать что угодно, лишь бы это отношение не изменилось.

Мы последовали за Мастером Теодором к зданию общежития. Внутри пахло воском, старой бумагой и чем-то травяным. Здесь царил чистый, строгий порядок, но без казарменной суровости. Нас встретил пожилой эконо, и Теодор оставил нас на его попечение.

— Вам выдадут академическую форму, — пояснил он на прощание, — и распределят по комнатам. Отдохните с дороги. Завтра начнется ваша новая жизнь.

Эконом, бормоча что-то под нос, повел нас по коридору. Меня и Тороину заселили в одну комнату на троих. Элви, конечно, отвели в женское крыло.

Комната была просторнее, чем я ожидал. Три узкие, но аккуратно застеленные кровати, три письменных стола, три шкафа.

За одним из столов сидел парень, склонившийся над разложенной схемой, испещренной чертежами и рунами. Услышав скрип двери, он резко поднял голову. Он был худощавым, лет

шестнадцати, с живыми, умными глазами за стеклами очков в тонкой металлической оправе. Его темные волосы торчали в разные стороны, будто он постоянно хватался за них в задумчивости.

Увидев нас, его лицо озарилось такой искренней и суетливой радостью, что стало почти смешно.—О! Наконец-то! — воскликнул он, вскакивая и чуть не опрокинув стул. — Я уж думал, мне до начала обучения одному тут жить! Прекрасно, просто прекрасно!

Он быстрыми шагами подошел к нам, энергично потряс сначала мою руку, потом руку Торины, который лишь сдержанно кивнул.—Меня зовут Лориэн! Лориэн Фэлл, — представился он, и в его голосе не было и тени надменности, лишь гордость и желание сразу расставить все по местам. — Мы не дворяне, конечно, но мой дед, отец и мать — маги. Я потомственный маг, столичник. Так что я здесь, можно сказать, вырос. Очень рад вас видеть!

Его болтливость была настолько непосредственной и доброжелательной, что даже угрюмый Торин не выдержал и скинул маску отстраненности. Он слегка выпрямился.—Торин. Сын бондаря из Веленира, — буркнул он, но уже без прежней озлобленности.

Оба взгляда, Лориэна и Торины, устремились на меня. Я на секунду замялся. После предупреждения Кассиана озвучивать полное имя было не вариант. Но и врать с ходу не хотелось. По этому.—Андрей, — сказал я просто. — Из селян.

Лориэн ни капли не смутился. Напротив, он с интересом уставился на меня.—Селянин? — переспросил он, не скрывая любопытства. — Но тебя же приняли! Значит, дар проявил? Инициировался? Потрясающе! Обычно у вас, у деревенских, с этим сложнее. Магия требует грамоты, а где ее в глуши взять... Ну, ничего! Здесь всему научат!

И глядя на его оживленное лицо, слушая этот безостановочный поток информации, я впервые за долгое время почувствовал не напряжение и опасность, а нечто другое — предвкушение. Возможно, здесь, в этой комнате, среди таких же, как я, начнется что-то по-настоящему новое. И этот болтливый, но искренний парень в очках был тому первым доказательством.

На каждой кровати аккуратно лежали сложенные одежды — темно-серые штаны и рубашка из прочной, но мягкой ткани, а также простые кожаные тапочки, что-то из нижнего белья, и самая настоящая мантия того же глубокого синего цвета как у мастера. На мантии кроме эмблемы Академии ничего не было в отличии от виденной мантии Мастера Теодора, вот она, Академическая форма.

— Ребята, кстати, сейчас самое время сходить позавтракать. Что вы думаете по этому поводу? — Лориэн посмотрел на нас с Торином, потирая руки.

— А мы всегда «за», — фыркнул Торин. — Только денег у нас нет.

— Ой, да что вы! — Лориэн махнул рукой, словно отгоняя глупую муху. — Для нашего факультета бытовой магии питание бесплатное. Оно, конечно, без изысков, но пища простая и добротная. Пойдёмте! Но сначала давайте переоденемся, чтобы всё было как положено и соответствовало цветам факультета.

Я скинул свои поношенные, пропахшие дорогой штаны и рубаху, облачился в новую форму. Мягкая приятная рубашка, удобные штаны, тапочки... и, наконец, мантия. Глубокого тёмно-синего цвета, из плотной шерсти. На левой стороне, над сердцем, была вышита серебряная нитью эмблема Академии. Приодевшись, я осмотрел себя и соседей. Мы были похожи, как братья. Наверное, так это и задумывалось — стереть былое, сделать нас частью одного целого.

— Ну вот, совсем другое дело! — удовлетворенно констатировал Лориэн. — А теперь пойдёмте, я вам всё покажу!

Мы вышли в коридор, затем спустились по широкой лестнице на первый этаж. Лориэн, не умолкая, сыпал информацией, как из рога изобилия.—...в настоящий момент в Академии три факультета с дифференциацией по цветам. Красный — это боевой факультет. Зелёный — лекарский. Ну и, соответственно, наш синий — бытовой.

Я не удержался, перебив его:—А подробнее про красный и зелёный?—Ну, смотри, Андрей, — Лориэн с готовностью развернулся ко мне, идя задом наперёд. — Красный, боевой факультет. В основном там обучаются маги-стихийники: водные, воздушные, огневики, земляные. Артефакторы, ну, в общем, практически все.—Даже маги жизни? — уточнил я, вспомнив Элви.—Ну да! Маги жизни не только могут её давать, но и забирать. Магия жизни в умелых руках — то ещё оружие. И да, на боевом факультете учатся только дворяне. Будущая элита армии Империи. А на лекарском факультете в основном маги жизни обучаются всему, что относится к лечебному делу. Кстати, и на нём тоже есть артефакторы. Но, как вы поняли, там тоже обучаются дети благородных.

Он сделал паузу, давая нам осознать непреложность этого порядка вещей.—Ну и синий факультет... бытовой магии, на котором обучаются простолюдины. Но, забегая немного вперёд, с простолюдинами тут тоже не всё так просто. Здесь, как и везде, есть иерархия. На верхней ступени стоят потомственные маги — то есть дети, рождённые от родителей-магов-простолюдинов. Ну, это то, что я вам рассказывал про себя. Сразу вас предупрежу: потомственные маги хоть и простолюдины, но очень заносчивые, они специально дистанцируются от таких, как вы.

Мы шли по широкому, светлому коридору, мимо высоких арочных окон.—К тому же здесь есть ещё один аспект. Вот ты, например, Андрей, считаешься «диким».—В смысле, «дикий»? — насторожился я.

— Ну, это из-за твоей спонтанной инициации. По-хорошему, для уверенного развития и в рамках программы, инициация происходит под контролем наставников, опытных магов, которые в процессе могут... помочь, вследствие чего увеличив его силу. В твоём же случае инициация была бесконтрольной, а следовательно — дикой. Ну, это общее мнение. Вместе с этим существует и другое, зачастую умалчиваемое мнение, что дикая инициация — удел мага с действительно мощным источником силы. А следовательно, «дикие» считаются перспективными, от чего и очень непопулярными. Из-за зависти.

В этот момент мы проходили мимо открытой двери. Лориэн кивнул на неё:—Кстати, вот, обратите внимание. Это аудитория теории боевой магии.

Я заглянул внутрь. Действительно, роскошное помещение. Места обучающихся располагались в виде амфитеатра, всё было очень эстетично и практично. Воздух внутри казался густым, наэлектризованным.—Идём дальше. Ну так вот, «диких» не любят. А если ты ещё и из низшего сословия... то вообще труба. Так что будь аккуратен и готовься к нападкам.

Мы свернули в другой коридор, менее парадный.—Так, здесь обучаются лекари? — спросил Торин, кивая на следующую дверь.—Да, тоже теоретическая аудитория. Там дальше — наша, но нам пока не туда. Вот, в этот коридор сворачиваем.

Пройдя немного, мы подошли к довольно скромному входу в помещение. Дверь была из простого дерева, без всяких украшений.—А вот и наша столовая, — объявил Лориэн с лёгкой иронией в голосе. — Добро пожаловать в сердце бытового факультета, друзья. Где кормят честно, но без лишнего пафоса.

Столовая оказалась просторным, светлым помещением с высокими потолками, но безо всяких излишеств. Десятки деревянных столов, грубоватых, но чистых, стояли ровными рядами. В воздухе витал густой, запах свежее испеченного хлеба и какой-то простой, но аппетитной каши.

У дальней стены располагалась стойка раздачи с большим окном, за которым копошилась приятная, дородная женщина в возрасте в белом фартуке. Она с безразлично ставила на подносы глиняные тарелки с дымящейся кашей, по два ломтя, душистого хлеба и наливала из большого котла в такие же глиняные кружки какой-то тёплый, травяной напиток. Весь завтрак был на виду, и вариантов не предлагалось.

Мы взяли свои подносы и направились к свободному столу у большого окна, из которого открывался вид на тот самый геометрический сад. Солнечный свет, падающий на простую, но качественную еду, делал картину удивительно уютной.

Устроившись поудобнее, мы принялись за еду. Каша была густой, немного пресной, но сытной, хлеб — свежим и плотным, а травяной напиток согревал изнутри, напоминая чем-то ромашковый чай с медом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.